

**Старина и новизна. Исторический сборник,
издаваемый при обществе ревнителей
русского исторического просвещения в
память императора Александра III**

Том 7

УДК 304
ББК 60.5
С75

С75 Старина и новизна. Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III: Том 7 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 306 с.

ISBN 978-5-458-02039-8

Исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III.

ISBN 978-5-458-02039-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

тельно выходили изъ ряда обыкновенныхъ, но, въ сожалѣнію; и характеръ тоже; имѣя добрѣйшее сердце, онъ самъ всегда раскаивался и страдалъ отъ своей горячности. Кулебякинъ отличался особымъ возвышеннымъ образомъ мыслей и высокимъ благородствомъ чувствъ; всѣмъ этимъ добрымъ качествамъ вредила, однакожъ, нѣкоторая аффектація и постоянная театральность.

Въ 1845 году въ Даргинскомъ походѣ Кулебякинъ участвовалъ, командуя ротой Куринскаго полка, въ батальонѣ Бенвендорфа, и показалъ себя истинно боевымъ офицеромъ, но съ тою же всею театральностью. Кажется, 14 числа, занявъ въ лѣсу въ лѣвой цѣпи съ ротою незначительный курганъ передъ непріятельскимъ заваломъ, рота его, лежа, перестрѣливалась на близкомъ разстояніи съ непріятелемъ. Фельдфебель этой роты, почтенный Кавказскій ветеранъ Варенцовъ едва успѣлъ, проползая по цѣпи, поднять голову, какъ смертельно былъ пораженъ непріятельскою пулею. Кулебякинъ приказалъ куринцамъ осторожно и лежа на землѣ вырыть руками и штыками яму, чтобы похоронить своего фельдфебеля, и когда его зарыли, то, театрально ставъ на курганѣ, Кулебякинъ передъ ротой громко читалъ молитвы по усопшемъ. На этомъ курганѣ почти нельзя было показаться, чтобы не быть разстрѣляннымъ. Кулебякинъ, стоя спиной къ непріятелю, нѣсколько минутъ порисовался передъ своими солдатами и спустился невредимымъ, несмотря на градъ пуль, и только скуртувъ его былъ ими пронизанъ. Понятно, какъ подобныя выходы ободряли солдатъ, и какъ они любили Кулебякина, умѣвшаго поддѣлаться къ ихъ нраву и во всѣхъ тяжкихъ минутахъ умѣвшаго развеселить солдата своими шутками и выходками. Князь Воронцовъ очень цѣнилъ эксцентрическую натуру Кулебякина, вполне сознавая и дурную ея сторону.

Въ 1847 году Кулебякинъ былъ назначенъ главнымъ приставомъ Джаро-Балаканскаго округа въ Заваталахъ; въ то время эта часть Кавказа, съ ея лѣсами и хищнымъ населеніемъ, была центромъ сборовъ всѣхъ разбойничьихъ шаекъ и самыхъ дерзкихъ съ ихъ стороны грабежей. Кулебякинъ, именно, былъ человѣкъ для этого труднаго поста; онъ окружилъ себя преданными нукерами изъ тѣхъ же лезгинъ; постоянно на конѣ преслѣдуя шайки, онъ

положительно навелъ страхъ на Джарскихъ разбойниковъ. Наконецъ одинъ изъ главныхъ предводителей просилъ Николая Петровича назначить ему свиданіе для принесенія покорности. Кулебякинъ съ нѣсколькими нукерами и переводчиками выѣхалъ въ Таначинскіе лѣса, гдѣ ожидалъ его разбойникъ съ частью своей шайки; переговоры шли сначала спокойно и хорошо; наконецъ, помирившійся предводитель, изъявляя желаніе предаться правительству, протянулъ Кулебякину руку. Не знаю, что сдѣлалось въ головѣ Николая Петровича, но онъ, оскорбившись тѣмъ, что такой преступникъ смѣлъ протягивать ему руку, ударилъ его по лицу — позоръ, котораго вообще лезгины не выносятъ. Сейчас же пошли въ дѣло пашки. Кулебякину прорубили даже кованные его эполеты, и одинъ разбойникъ замахнулся кинжаломъ, чтобы зарѣзать Кулебякина, который отклонилъ ударъ, схвативъ лезвіе рукой и перерѣзавъ себѣ всѣ пальцы. Нукеры и переводчики съ трудомъ высвободили Кулебякина изъ рукъ разбойниковъ, посадили его на лошадь и, отстрѣливаясь, успѣли ускакать изъ лѣсу, доставить своего начальника, израненнаго, на Альмалинскую почтовую станцію и казачій постъ. Въ это время на разсвѣтѣ проѣзжалъ я курьеромъ чрезъ Альмалы и, узнавъ о происшествіи, поторопился къ Кулебякину, котораго засталъ лежащимъ въ духанѣ на нарахъ, только что перевязаннаго отъ полученныхъ ранъ. Онъ мнѣ очень обрадовался и, крайне возбужденный, весьма театрално сталъ рассказывать о преданности его нукеровъ. Около койки, на которой лежалъ Кулебякинъ, стояли двое изъ его лезгинъ съ свирѣпыми лицами, вооруженные съ ногъ до головы. Николай Петровичъ, все болѣе возбуждаясь, говорилъ мнѣ: „скажи своему Воронцову, какую сумѣлъ я вселить преданность къ себѣ въ этихъ дикихъ; они родного отца своего, по приказанію моему, готовы зарѣзать“ и при этомъ крикнулъ, показывая на меня: „зарѣжьте его“. Лезгины немедленно повалили меня на землю и обнажили кинжалы. Кулебякинъ приказалъ меня оставить, сказавъ: „самъ теперь видишь“. Я отвѣтилъ, что дѣйствительно вижу, что онъ сумасшедшій и донесу объ этомъ князю. Посмѣялись мы, вмѣстѣ завусили, я поѣхалъ далѣе, а Кулебякина отвезли въ Заваталы.

По поводу управленія его этимъ округомъ припоминаю еще

фактъ. Приѣхавъ въ Тифлисъ по дѣламъ службы, я присутствовалъ въ кабинетѣ князя при приѣмѣ Кулебякина. Кабинетъ былъ комната длинной формы, въ которой посреди стоялъ письменный столъ князя, въ концѣ была дверь, ведущая въ его спальню. Князь встрѣтилъ Николая Петровича у входа въ кабинетъ, обнялъ его, ласково принялъ и началъ спрашивать про край. Кулебякинъ со свойственнымъ ему пафосомъ и увлеченіемъ началъ ораторствовать, размахивая руками. Князь съ улыбкой все отступалъ. Кулебякинъ, ничего не замѣчая, продолжалъ свои театральныя выходки, возглашая, сколько помню: „Oui, mon Prince, l'administration d'un pays n'est pas une affaire de discipline, mais une affaire de conscience et d'honneur“ и, незамѣтно наступая, приперъ князя къ концу кабинета, къ самой двери спальни. Тогда Воронцовъ, съ вѣчной своей улыбкой, взявъ за руку Кулебякина, сказалъ ему: „Cher ami, je n'ai plus où aller, allons vers la porte de sortie, alors vous pourrez recommencer“. Можно себѣ представить сконфуженнаго Кулебякина, котораго всѣ мы послѣ дразнили этимъ обстоятельствомъ.

Кулебякинъ послѣ того занималъ еще многія мѣста, между прочимъ Начальника III Отдѣленія Черноморской береговой линіи въ Сухумъ-Кале, гдѣ онъ, поспоривши разъ съ комендантомъ крѣпости на платформѣ старой турецкой башни, омываемой моремъ, схватилъ старика коменданта и хотѣлъ его бросить въ волны. Родственникъ Кулебякина плацъ-маіоръ Делгарди съ трудомъ могъ спасти старика, полномѣснаго Корженовскаго, отъ ярости Кулебякина. Несмотря на невозможный характеръ, Кулебякинъ вездѣ, гдѣ былъ, оставилъ по себѣ самую лучшую память въ высшей степени благороднаго, благонамѣреннаго и дѣльнаго начальника. Онъ умеръ въ генеральскомъ чинѣ сенаторомъ въ Москвѣ уже пожилыхъ лѣтъ, гдѣ я его послѣдній разъ видѣлъ и съ радостью встрѣтился съ этими старымъ Кавказскимъ товарищемъ. Въ Тифлисъ Кулебякинъ весьма часто навѣщалъ насъ; онъ очень любилъ меня и положительно я имѣлъ на него вліяніе, когда онъ, разгорячившись, терялъ сознание. Странная была у него еще привычка ломать и грызть стекло. Когда, бывало, онъ въ товарищескомъ кругу разгорячится и, какъ говорится, лѣзетъ на исторію,

я подносилъ ему пустой стаканъ или рюмку, онъ разбивалъ ее, грызъ осколки и добродушно смѣялся надъ собой. Онъ былъ женатъ на весьма достойной женщинѣ, уже не молодой и некрасивой собой, но весьма доброй, умной и образованной—Александрѣ Андреевнѣ Брыжановской, сестрѣ нынѣшняго Оренбургскаго генераль-губернатора. Свадьба его также оригинальна. Онъ былъ начальникомъ въ Закаталахъ и выписалъ невѣсту свою въ Царскіе Колодцы, куда самъ пріѣхалъ вечеромъ въ тарантасѣ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, въ верблюжьихъ шароварахъ, обвуженный конвоемъ лезгиновъ. Онъ отъ всѣхъ тщательно скрывалъ намѣреніе свое жениться; невѣста его ждала въ церкви военной слободки, шаферомъ у обоихъ, по его распоряженію, былъ его же денщикъ, который держалъ надъ ихъ головами вѣнца. Когда мирные жители Царскихъ Колодцевъ увидѣли освѣщенную церковь, то изъ весьма понятнаго любопытства вошли въ нее; скрипъ двери раздражалъ Кулебякина: онъ самъ взялъ оба вѣнца, сказавъ шаферу: „Ванюшка, гони по зубамъ народъ“, и по окончаніи церемоніи тутъ же сѣлъ съ женой въ тарантасъ и съ конвоемъ своихъ лезгинъ прибылъ ночью въ Закаталы. Кулебякинъ глубоко уважалъ Александру Андреевну, но, къ сожалѣнію, она имѣла только весьма слабое вліяніе на характеръ мужа и много должна была терпѣть отъ его запальчивости и бѣшеной раздражительности.

У Кулебякина былъ родной братъ Михаилъ Петровичъ, всю свою службу проведеній на Кавказѣ и умершій Бакинскимъ губернаторомъ. Онъ былъ также однимъ изъ добрыхъ товарищей нашего общаго круга; умный, дѣльный и весьма образованный человекъ, но съ несравненно болѣе мягкимъ и разсудительнымъ характеромъ, чѣмъ братъ его. Ихъ отличали на Кавказѣ названіемъ: мирный и немирный Кулебякинъ.

II.

Альбертъ Артуровичъ Едлинскій.

Съ княземъ Воронцовымъ прибылъ на Кавказъ австрійской службы гусарскій поручикъ Альбертъ Артуровичъ Едлинскій, по-

бочный сынъ графа Артура Потоцкаго, женатаго на сестрѣ княгини Воронцовой. Молодой, ловкій, красивый наѣздникъ и въ высшей степени оригинально остроумный, Едлинскій сдѣлался своими выходками такой извѣстностью на Кавказѣ и такимъ общимъ любимцемъ, что нельзя не остановиться на этой своеобразной личности.

Получивъ отъ Потоцкаго очень большое состояніе, онъ въ Вѣнѣ все промоталъ различными эксцентричностями; съ назначеніемъ князя Воронцова на Кавказъ, онъ былъ переведенъ, по просьбѣ графа Артура, въ нашу службу, а вскорѣ и братъ его, умершій въ 1846 году отъ холеры поручикомъ Навагинскаго полка.

Въ 1845 году Едлинскій въ свитѣ кн. Воронцова участвовалъ въ Даргинской экспедиціи, затѣмъ послѣ разныхъ шалостей въ Тифлисѣ переведенъ былъ сотникомъ въ Моздовскій казачій полкъ, гдѣ отважно своею и, можно сказать, примѣрно—усердною службою дослужился до командира полка, въ чинѣ маіора или подполковника. Потомъ командовалъ I-мъ Лабинскимъ казачьимъ полкомъ на правомъ флангѣ уже полковникомъ, затѣмъ Сунженскимъ въ 1858 году и потомъ генераломъ состоялъ помощникомъ начальника драгунской дивизіи на Кавказѣ.

Все прохожденіе службы Едлинскаго отличалось замѣчательнымъ его боевымъ направленіемъ, распорядительностью, необыкновенной способностью всегда весело переносить всѣ лишенія неприглядной казачьей обстановки, нравы которой онъ замѣчательно быстро себѣ усвоилъ. Его казаки чрезвычайно любили, а между регулярными войсками и нами появленіе Едлинскаго встрѣчалось всегда съ восторгомъ, въ ожиданіи съ его стороны какихъ нибудь забавныхъ и остроумныхъ выходовъ.

Не возможно исчислить всѣхъ извѣстныхъ на Кавказѣ анекдотовъ о Едлинскомъ; я съ нимъ чрезвычайно былъ близокъ и друженъ, и мнѣ очень хорошо извѣстны всѣ его похождения. Хочу рассказать нѣсколько анекдотовъ, характеризующихъ его безпечность, остроуміе и въ извѣстной степени оригинальный цинизмъ. Всѣ свои фарсы и выходки Едлинскій дѣлалъ съ такою притворною наивностью и серьезностью, отговариваясь незнаніемъ русскаго языка, что иногда трудно было и начальству въ нему придратся. Едлинскій жилъ замѣчательно просто: я помню его помѣщеніе въ ста-

ницахъ, гдѣ часто, даже зимой, были разбиты окна въ хатѣ; онъ въ полушубкѣ, всегда съ папахой на головѣ, валялся на разломанной койкѣ, въ углу комнаты лежали були съ овсомъ и запасъ луку; стоялъ разломанный самоваръ, нѣсколько стакановъ и всегдашній запасъ водки и рому, составлявшій все его хозяйство. Зато лошадь и оружіе Едлинскаго были отличныя: онъ былъ замѣчательнымъ наѣздникомъ и слылъ даже между линейными казаками отмѣннымъ джигитомъ. Дѣятельность Едлинскаго была неимоверна; по ночамъ, провѣряя кордоны свои, онъ проскакивалъ большія пространства и являлся обыкновенно тамъ, гдѣ его менѣе всего ожидали. Онъ обыкновенно строго наказывалъ казаковъ за оплошность и неисправность, и когда съ нѣкоторыхъ начальниковъ кн. Воронцовымъ было взыскано за тѣлесныя наказанія нижнихъ чиновъ, имѣющихъ Георгіевскіе кресты, то Едлинскій сталъ съ собою возить хлороформъ и, нахлороформировавъ провинившагося кавалера, только тогда велѣлъ его пороть. При управленіи полкомъ онъ не признавалъ никакихъ канцелярскихъ порядковъ. Какъ полковой командиръ и предсѣдатель полкового управленія, разбирая разъ какое-то дѣло въ присутствіи, онъ соскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ ударить казака; секретарь остановилъ его, указывая на зеркало и на послѣдствія, которымъ подвергся бы Едлинскій, въ случаѣ жалобы кляузнаго казака. Едлинскій поблагодарилъ секретаря и сейчасъ же велѣлъ вѣстовому подать баплыкъ, обвязать зеркало, „чтобы птица не видала, какъ онъ говорилъ“, учинилъ свою вулачную расправу, затѣмъ велѣлъ раскрыть птицу и, сѣвъ на предсѣдательское мѣсто, продолжалъ свое дѣло.

Разъ также, придя неожиданно въ полковое правленіе, онъ засталъ всѣхъ членовъ онаго (обыкновенно простыхъ казаковъ) пьющихъ водку и закусывающихъ на столѣ присутствія передъ тѣмъ же зеркаломъ. Едлинскій немедленно потребовалъ команду и приказалъ перенести столъ съ зеркаломъ въ ближайшій трактиръ, а изъ трактира перенести въ полковое правленіе билліардъ, на который поставилъ водку, закуску и напился вмѣстѣ съ атаманами. Все это сходило Едлинскому, такъ какъ его очень любили, и никто не думалъ доводить о его выходкахъ до начальства. Но ежели Едлинскій постоянно дѣлалъ фарсы съ своими подчиненными, то

не менѣе того онъ шуточно относился и къ начальству своему. Трудно перечислить всѣ его фарсы въ этомъ отношеніи; расскажу нѣкоторые. Генераль Е..... всегда служилъ однимъ изъ предметовъ для его остроумія. Злоупотребленія его слишкомъ хорошо были извѣстны на Кавказѣ. Во время командованія имъ лѣвымъ флангомъ онъ не держалъ и половины положенной по штату милиціи и все содержаніе удерживалъ въ свою пользу. Разъ со всѣмъ штабомъ и свитой своей Е..... выѣхалъ на рекогносцировку изъ Грозной (Едлинскій былъ съ нимъ) и до того опередилъ отрядъ, что приближенные замѣтили своему начальнику, что онъ подвергается опасности отъ внезапнаго нападенія непріятеля. Едлинскій громко, такъ что всѣ слышали, сказалъ: „не безпокойтесь, господа, у него 6 сотенъ милиціи въ карманѣ“. Другой разъ, получая безпрестанно секретныя бумаги отъ Е..... о замыслахъ горцевъ, Едлинскій, предварительно прочитавъ ихъ, опять осторожно запечатывалъ и дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія.

Когда Е..... пріѣхалъ по линіи въ Ауръ и спросилъ Едлинскаго, получилъ ли онъ секретныя его предписанія, то Едлинскій утвердительно отвѣтилъ и серьезно принесъ Е..... всѣ запечатанные конверты, прося его прочитать ему ихъ, такъ какъ онъ мало русскую грамоту понимаетъ, а секретныя бумаги никому не довѣряетъ читать. Другой разъ въ Грозной Е....., раздраженный противъ Едлинскаго его постоянными насмѣшками и выходками, почему-то придрался и публично началъ распекать его. Едлинскій, оправдываясь, страшно размахивалъ руками; разсерженный Е..... закричалъ ему: „что вы, полковникъ, позволяете себѣ махать руками“. Едлинскій, почтительно приложивъ къ козырьку руку, отвѣтилъ весьма серьезно ломанымъ русскимъ языкомъ, какъ онъ всегда притворялся: „Ваше пр—во, я машу рѣками, бо я человекъ, ежели бы былъ собака, то махалъ бы хвостомъ“. Е..... немедленно оставилъ его и поспѣшилъ скрыться, при общемъ хохотѣ присутствующихъ.

Однажды въ воскресный день вечеромъ, когда Е..... съ семействомъ своимъ и со всѣмъ обществомъ вѣрѣности Грозной сидѣлъ въ палисадникѣ передъ домомъ, слушая полковую музыку, прискакиваетъ Едлинскій изъ Сунджи, верстъ за 60, весь въ пыли,

береть у одного изъ своихъ конвойныхъ большой портфель и подходит къ Е....., окруженному дамами. Всѣ подозрѣваютъ какую-нибудь выходку и тѣснятся около Едлинскаго. Е..... добродушно встрѣчаетъ Едлинскаго, протягиваетъ ему руку и говоритъ: „что вы это, Альбертъ Артуровичъ, не успѣли съ лошади слѣзть, а уже съ бумагами“. Едлинскій съ присущей ему флегмой наивно отвѣчаетъ при всѣхъ: „Ваше пр—во, я вѣдь всегда ѣзжу въ Грозное, какъ въ нужное мѣсто“. Можно себѣ представить хохотъ всѣхъ присутствующихъ. Е..... отводитъ въ сторону Едлинскаго, объясняетъ ему неприличіе сказаннаго; тотъ, притворно конфузясь, извиняется незнаніемъ русскаго языка и хочетъ сейчасъ же удалиться. Е..... утѣшаетъ его и вводитъ опять въ общество.

Но самый замѣчательный эпизодъ съ Е..... происходитъ на правомъ флангѣ.

Въ 1850 году Государь Наслѣдникъ, обозрѣвая Кавказъ, предполагалъ осмотрѣть всю Лабинскую линію до самаго Зассовскаго укрѣпленія. Едлинскій, на протяженіи своего кордона, съ казаками ввѣреннаго ему поля конвоировалъ Его Императорское Высочество до перваго ночлега въ Темергоевскомъ укрѣпленіи. Жара была невыносимая и отъ шибкой ѣзды подъ казаками пало много лошадей; кромѣ того, въ день проѣзда, на кордонѣ Едлинскаго пикетъ съ Родниковскаго поста изъ трехъ человѣкъ былъ изрубленъ хищниками. Корыстолюбіе и злоупотребленія Е..... возстановили противъ него все населеніе не только русское, но и всѣхъ мирныхъ горцевъ. Онъ всегда протестовалъ противъ поѣздки великаго князя по Лабѣ, выставляя опасность отъ внезапнаго нападенія непріятеля. Узнавъ въ Темиргоѣ, что въ верховьяхъ Лабы все населеніе готовится подать противъ него прошенія и жалобы Великому Князю, онъ рѣшился на ловкій и дерзкій поступокъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ ночью или очень поздно вечеромъ Е..... привелъ къ князю двухъ окутанныхъ въ башлыки, вѣроятно, подготовленныхъ лазутчиковъ, которые объяснили, что огромная свопища горцевъ на противоположномъ берегу Лабы намѣрены воспользоваться густотою утренняго тумана, чтобы напасть на незначительный конвой Государя Наслѣдника при слѣдованіи его на другое утро. Кн. Воронцовъ, повидимому, поддался

этому обману и, въ крайнему неудовольствію Наслѣдника, на другой день маршрутъ былъ измѣненъ, и мы изъ Темиргоя проѣхали прямой дорогой на Кубань въ укрѣпленіе Прочные Окопы, продолжая по маршруту поѣздки въ Тифлисъ. По отъѣздѣ нашемъ, Едлинскій немедленно собралъ всѣ войска на свой кордонъ съ артиллеріей, переправился черезъ Лабу и началъ усиленной канонадой обстрѣливать гѣсъ на противоположномъ берегу, въ которомъ ни одного чело-вѣка непріятеля не было, затѣмъ водилъ казаковъ въ атаку; однимъ словомъ, исполнилъ блестящіе маневры, послѣ которыхъ вернулся въ станицу и устроилъ угощеніе и кутежъ своему отряду. Затѣмъ онъ написалъ формальный рапортъ Е..... о разбитіи имъ непріятельскихъ скопищъ, причемъ показалъ потерю 3-хъ казаковъ, изрубленныхъ на пикетѣ, и всѣхъ лошадей, павшихъ подъ казаками во время конвоирования Его Высочества. Цѣлью Едлинскаго было выхлопотать казакамъ изъ войсковой казны деньги за павшихъ лошадей, которыя составляли собственность казаковъ, а по положенію они имѣли право на вознагражденіе только за лошадей убитыхъ въ дѣлахъ, но не за павшихъ во время гоньбы. Все на первое время пошло благополучно; рапортъ Едлинскаго подтверждалъ донесеніе Е..... о непріятельскомъ сборѣ, деньги на лошадей были получены, розданы казакамъ и все успокоилось, какъ вдругъ, около года спустя, получается доносъ отъ прапорщика Ставропольскаго пѣхотнаго полка К., отъявленнаго и извѣстнаго негодая, который съ подробностью объясняетъ настоящее положеніе дѣла. Случай былъ довольно важенъ, чтобы назначить особую комиссію для разслѣдованія, подъ предсѣдательствомъ жандармскаго штабъ-офицера полковника Юрьева изъ Ставрополя. Е..... первый возсталъ противъ Едлинскаго, требуя строгаго примѣра и, казалось, сему послѣднему не было уже возможности избѣгнуть суда. Что же сдѣлалъ Едлинскій? Передъ самымъ прибытіемъ Юрьева, онъ собралъ своихъ казаковъ, объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло и строго приказалъ говорить слѣдователю всю правду, ни въ чемъ не скрывая обмана его и ложнаго донесенія начальству. Затѣмъ, спокойно продолжая по обыкновенію пить водку, онъ ожидалъ слѣдствія. Юрьевъ, хорошо знакомый Едлинскому, предложилъ ему 22 запросныхъ пункта по начавшемуся слѣдствію.

Въ 1 пунктѣ сказано было: „какую партію такого-то числа ваше выс—діе сочли нужнымъ атаковать на лѣвомъ берегу Лабы?“ Едлинскій написалъ: „ту же самую партію, которая, по донесенію генерала Е..... кн. Воронцову, а сего послѣдняго Государю Наслѣднику, намѣревалась атаковать поѣздъ его Высочества“¹⁾. Затѣмъ Едлинскій отнесъ этотъ отвѣтъ Юрьеву и спросилъ, продолжать ли писать на остальныхъ. „Голубой штабъ-офицеръ“, какъ Едлинскій звалъ Юрьева, до того былъ пораженъ этимъ отвѣтомъ, что немедленно выѣхалъ посоветоваться съ Е..... въ Прочные Окопы. Какъ дѣло устроилось, я не знаю, но слѣдствіе болѣе не продолжалось, и Едлинскій былъ оставленъ безъ всякаго особаго взысканія, а переведенъ вскорѣ на лѣвый флангъ командиромъ Сунженскаго полка. — Съ фельдмаршаломъ кн. Барятинскимъ Едлинскій позволялъ себѣ также всевозможныя шуточные выходки. Въ то время новый главнокомандующій вводилъ всевозможныя измѣненія по управленію Кавказомъ, вообще непрактичныя и клонящіяся только къ наружному усиленію собственной его власти. Такъ, напримѣръ, прежнія отдѣленія канцеляріи переименовывались въ департаменты и тому подобныя несообразности. На все это испрашивалось Высочайшее разрѣшеніе утвердить „въ видѣ опыта на 3 года“. Разъ князь Барятинскій пріѣхалъ въ Владикавказъ, принималъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ и Едлинскій, и спросилъ его, не имѣетъ ли онъ какой-нибудь просьбы?— „Какъ же, отвѣчалъ весьма серьезно Едлинскій, я просилъ бы ваше с—ство приказать выдать мнѣ заимообразно изъ экстраординарныхъ суммъ 5 т. рублей, въ видѣ опыта на три года“. Злая выходка эта, встрѣченная общимъ смѣхомъ, не понравилась однако Барятинскому, который очень любилъ Едлинскаго, но сильно распекъ его потомъ за неумѣстную его публичную шутку. Какъ примѣръ цинизма Едлинскаго, хочу еще прибавить одинъ анекдотъ. Въ Тифлисѣ жила общая наша знакомая, жена полковника Сачинова, урожденная Орбеліанъ, очень милая женщина, которую всѣ мы очень любили. Она очень опасно заболѣла и, вѣжется, мѣсяца 3 никого не принимала. Одинъ разъ, когда собра-

¹⁾ О чемъ донесено было Государю Императору.